

У берегов Фландрии

Путевые заметки моряка дальнего плавания

...Мне приходилось бывать в разных странах мира, но за Ла-Маншем, у берегов Фландрии, я никогда не бывал.

Английский Дувр и французский Кале, как часовые у ворот Па-Де-Кале, пропускают нас в Северное море. Говорят, некогда при парусах моряки хлопотно пересекали Па-Де-Кале. И кидало их волнами, и полдня маячил перед ними, то приближаясь, то удаляясь Дувр. Казалось, что каждый новый поворот возвращает их на прежнее место. А теперь! Суда с закинутыми под острым углом трубами, с мачтами, похожими на ветвистые ели, замаячили в проливе.

Белесая гладь, разостланная за кормой, показывала, как осторожно разворачивается наше судно. Мелкая зыбь дробится о края этой глади, как об отмель, и тучи чаек усеяли ее. Впереди голубое, с тучками льдистое небо, свежий ветер.

Ветер взвихривал острые, злые, шипящие язычки в трубе пролива. Тускло просвечивали вдали неровные белесые уступы Англии. Они походили на уменьшенные наши белгородские горы. Сама страна за кромкой берега казалась плоской до самого края, куда хватал глаз.

Потом мы увидели новый берег, плоский, точно штрих, проведенный по линейке. Отделился маяк, краснокрышие домики выглянули из-за какой-то особенно литой гущи деревьев.

Стена волнолома заканчивалась вверху железной гребенкой. Через нее и сквозь ее зубья перекачивалась желтая пена моря. В глубь страны вел новый водный путь. Глубокий и широкий, как

отрог моря, он напрямик перерезал низину дельты. Тут свободно проходят любые суда. Лес мачт спереди, лес мачт сзади. Это начинался Роттердам, крупнейший порт в Европе.

Его 2200 причалов ежегодно принимают 30 тысяч судов разных стран и континентов мира! Если закрыть один глаз, видишь другим синеватую рябь, паутину снастей и рей, такую пестроту флагов, словно перед тобой морской атлас, трубы и борта, крутые, тусклые, обветренные ветрами океана. Слышишь шипение буруна за кормой, сиплое клокотанье и стук машин.

Ощущение такое, будто выпарен, отцежен океан, и все, что плавало в нем, выпало, сгустилось, закишело здесь. А если отвернуться в сторону, все это сразу исчезает. Кругом земля, не берег, а самая «земная земля» — такая, как где-нибудь в тысяче километров от моря, возле тихой, летней речки. Бесчисленные ниточки каналов. Мы идем форватером Хет-Зейден между островами Розенбург и Эйсельмонде. На берегах — традиционные мельницы-ветрячки, благородная дань национальной традиции вкраплена в современные портовые и жилые массивы. И повсюду аккуратные прямоугольники палей с еще не поблекшей зеленью лугов и деревьев.

Я оглядываюсь назад — сквозь слоистые облака падает отвесный луч, выточенный столб неяркого жемчужного свега. Ни разу не видал подобного зрелища. А может, где-то видел все это: и такую землю, и воду, и мельницы, и столб света такой! Конечно, может быть! Это же родина Рембрандта! Это — его

жизнь, вдохновение его гениального мастерства. Здесь, на этой земле, понимаешь его по-иному, чем когда-либо раньше.

Лоцман и два выдраенных до блеска буксира заводят нас в гавань мирового бензинового короля Шелла.

Огромные, светящиеся на высоких трубах и корпусах, рекламы Шелла, Мобиле, Эссе, Кальтекса и других подтверждают нам, что мы находимся в одном из крупнейших европейских центров мировой империи его величества Бензина.

Мы пришвартовались рядом с американцем «Гарри Бортен», англичанином «Бритиш Жаннет» и датчанином «Эсперанта».

Тотчас же на судно пожаловали вместе с властями представители Шеллов. Один из них высок и худ, белые с рыжиной усы слегка топорщились, при этом левый ус заметно гуще правого, румянец на щеках непрочный. Он говорит о бурно прожитой жизни. Он, словно ветхая ткань, расплзался по нитям и терялся в морщинках у глаз. Другой представитель — приземистый, большеголовый, с густо-коричневыми напомаженными взносами, смуглым одутловатым лицом, чем-то напоминающим гриб. Наша беседа с ними отличалась взаимной предупредительностью и деловым уважением. После такой беседы и оформления документов мы без промедления приступили к сдаче груза, а в связи с этим определили время и порядок экскурсии в Роттердам.

Экскурсия состоялась на следующий день. Мы ехали на автобусе и видели, как дымят трубы металлургического завода. Рядом стоит буровая вышка. Именно метрами, квадратными метрами, не гектарами, не километрами, тут надо мерить землю! Каждый метр завоеван вековыми усилиями. А вся страна, как мое Ставрополье. До Амстердама, как до Невинномысска, до Гааги ближе, чем до Кисловодска.

Естественные леса здесь шумят

только в истерических воспоминаниях или легендах. Все или почти все деревья этой равнины посажены человеком. Сосна и тополь на дюнах, дубки и буки на возвышенностях. Возвышенность! Это не то слово. «Плоскостность» страны настолько разительна для видящего ее в первый раз, что понимаешь имя страны — низменная страна, бывшее морское дно. Мы едем по нему. Над нашими головами когда-то гуляли волны. Стоит оглянуться на реки и каналы, и сразу понимаешь: они подняты над уровнем почвы, они текут выше головы, по насыпям.

Выгнать, оттеснить воду, заключить ее в оковы валов и дамб. А вечная засоленность дна! Надо ведь было превратить самые соли морские, морской ил в источник плодородия. Изумительный памятник народному труду!

Начало единоборства человека со стихией, поясняет нам гид, уходит в глубь времен. Мельницы. Голландский пейзаж немыслим без них. Их крылья изображают живописцы. Металлические и фаянсовые мельнички продают повсюду как сувениры. Восемь тысяч мельниц откачивало, гнало прочь морскую воду. Голландию иначе называют страной «восьми тысяч мельниц». Сейчас сохранилось тысяча триста. Половина продолжает работать. Остальные — реликвия. Пришла новая техника. Землесосный снаряд намывает пульпу в стоячее, уже, видимо, опресненное озеро. Наготове груды песка. Создание «новой» земли совершается на глазах. На холме — музей: черные изглоданные останки судов, утварь времени Рембрандта. Все это просто взяли с полей. Это же бывшее морское дно! Но вот и город.

Окраины Роттердама облеплены кварталами и улицами стандартных домов. Дома без лица, неотличимые.

Город был буквально растерзан в мае 1940 года. Тридцать шесть тысяч зданий сметены с воздуха геринговской авиацией. Такова была страшная прелюдия к вступлению гитлеровских

орд в незащищенный город.

Но Роттердам почти заново возрожден. О нем пишут: «Город-Феникс».

Наш автобус ныряет в устье тоннеля, который проходит под каналом. При въезде в него видишь, как над твоей головой сейчас проходит пароходик или баржа. Тоннель выложен светлой плиткой и мягко освещен. В тоннеле запах машинных выхлопов, с этим ничего не поделать, но чистота, как в прибранной комнате. Говорят, дважды в неделю стены и пол, сто тысяч этих плиток, моют мылом. Впрочем, улицы города, дома выглядят так, как будто их подготовили к торжественному приему.

Дома, новые стеклянные дома, кажется, просматриваются насквозь на всю их толщину. Окна, много окон, — они бледно-голубые, ярко-зеленые, оранжевые, ярко-белые, манят просвеченным сквозь них домашним уютом. На улицах снуют потоки автомобилей, а на стоянках дремлет, ожидая хозяев, бесконечное количество «бензов», «даймлеров», «ройсов», «фиатов», «оппелей», «пежо», «деляжей». И массы велосипедистов. Роттердам — город на воде и на колесах.

Восхищает массивное, потускневшее до цвета вороненой стали, мраморное здание Ратуши. В стены ее вмонтировано несколько позолоченных гербов города Роттердама. Они ярко сверкают на темном здании, как блески на платье. Венчают Ратушу башня с часами и монумент-фигура девушки с венцом в руках, обращенных к морю. Часы поставил еще в середине века какой-то рачительный король, чтобы жители его столицы следили за невозвратным бегом времени. Монумент девушки символизирует пожелания счастья морякам в их опасном труде...

Вечерет. Рано засыпают в Европе, чтобы позднее проснуться. Но засыпают ли! Скорее исчезают с улиц и «рационально», «без предрассудков» проводят вечернее время. Тщетно увидеть здесь очереди у касс кинематографа — в зале сидят единицы

зрителей. Полосы света, сизоватого от табачного дыма, вместе с гамом голосов вырываются из дверей бесчисленных кафе, баров, дансингов, ночных кабачков и просто притонов.

Профессионалки здесь ходят мелкими шажками по тротуарам площади. Должно быть, это тоже их свободная воля вот так двигаться пять шагов направо, пять налево, каждая на своем «охотничьем участке». Как коровы, «расставленные» на лугах. Кто смеет воспрепятствовать свободной воле! «Клиентов» нет. Они одни. Только каблучки нетерпеливо выстукивают дробь. Мы видели лишь двух мужики, которые подошли к такой «охотнице». Проходящий голландец с презрением бросил вполголоса: «Опять американцы».

А по соседству еще ночной бар, ступенями уходящий вниз. У дверей надывается человек в российско-экзотической одежде с кавказскими газырями. «Идите к нам, у нас забавляются» — орет он. Я только читал и слышал о зазывалах, не думал, что увижу их. Какое эмигрантское отребье докатилось до этого кабачка, до такой профессии!

Так, наверное, получается всегда: если много впечатлений, то в памяти менее значительные уступают место главным. А разве все вспомнишь и изложишь последовательно, когда эти записки являются делом «десятым». Главные заботы в другом.

Из роттердамских встреч чуть не забыл упомянуть о посещении клуба английских моряков. Сразу же после швартовки в обычной для такого времени административной суতোлке меня отыскал благообразный голландец в строгом черном костюме. Гостя я пригласил в свою каюту и принял его ответное приглашение посетить английский питерклуб сегодня вечером. Предложение выглядело заманчивым не только потому, что хотелось размять занывшие косточки и дать отдохнуть измочаленным штормами душам. Скорее, нас повлекло в эту обитель желание посмотреть по интервидению

футбольный матч из Милана.

Точно в условленное время к причалу судна подошел автобус, наполовину заполненный английскими моряками с «Бритиш Жаннет», и мы через несколько минут были у цели.

Мы вошли в длинное, слабо освещенное и поражающее своей неприветливостью здание. Внутри оно казалось более уютным. Просторный холл, огромный телевизор, настольный футбол, на столах газеты и журналы, справа — большая стеклянная витрина с национальными сувенирами и указаниями цен: желаете — купите.

У входа нас встретил мистер Лейтон — мой утренний знакомый, все в том же неизменном строгом костюме. Он ознакомил нас с заведением, настоятелем которого он, вероятно, является. Впрочем, слово настоятель, оказалось не случайным.

Все мы обзавелись зажигалками и прочей мелочью и устремились с капитаном в бильярдную. Здесь нас ожидало разочарование. Прекрасные столы оказались оборудованными для игры, правила которой ни для кого из нас не были известными. «Настоятель», английские моряки пытались нам помочь в постижении этой премудрости, но для учебы нужно время, а его у нас не было, тем более, что заработали телевизоры — пора на матч.

После просмотра матча мистер Лейтон преподнес нам по пакету с иллюстрированными журналами, попросил извинения за то, что отлучится на некоторое время. Он ушел и тут раздался гонг. Группа английских моряков направилась в отдельную комнату, которую нам не показывали. Я подошел к двери и увидел... нашего гида Лейтона. Он стоял лицом к группе моряков в накинутой на плечи черной мантии и читал скороговоркой псалмы какого-то молитвенника.

Через несколько минут Лейтон как ни в чем не бывало с улыбкой подошел к нам и пригласил в машину. Разместившись в машине, мы уже с меньшим удивлением восприняли новую

трансформацию «настоятеля». Он уверенно сел за руль и в качестве шофера лихо домчал нас до судна.

Вот это совмещение профессий, «смежных специальностей»! Кто он — этот Лейтон!

В каютах мы обнаружили в пакетах Лейтона «подарки» в общем-то для нашего брата безобидные, среди прекрасно иллюстрированных журналов, как бы невзначай, оказались аккуратненькие книжонки с главами из евангелия. «Случайно» тут же оказался путеводитель для моряков по всем странам мира, с указанием точных адресов католических миссий.

Несколько позже нам приходилось видеть на улицах Роттердама картины других превращений.

Например, в стеклянной будке монументально возвышается внушительный страж порядка и рядом с ним, на вентиляционной решетке солидного оффиса, почти под ногами, спит, скрючившись, человек.

Мы недоумеваем: что это! Где это! Что все это значит! Нам отвечают, что это клошар, мнимый люмпен. Он не желает работать. Нищенство и бродяжничество здесь официально запрещены. И вот страж порядка проверил и убедился, что у клошара есть сотня гульденов, намного превышающая цену ночлега и хорошего ужина. Следовательно, он просто не хочет спать на постели, он предпочитает грязную мостовую. Такой у него вкус. У нас-де «свобода».

И клошару неуютно работать. Ему уютно замерзнуть, чуть посуровее дохнет зима. Спящих на прутьях мы видели не раз. А ведь это не Калькутта, не Бомбей! Право же, очень сумасбродное и глупое это право. Нам оно показалось диким и непонятным. Просто болезнь... Мы объективно понимали причины этой болезни и знали, что возбудителем ее является холодноравнодушная натура капитала. У него одинаковая международная физиономия, одинаковые звериные повадки.

Прощаясь с берегами Фландрии, мы еще раз мысленно сравнили их с южными берегами Европейского континента. Там, у берегов, мглистое море, апельсиновые и лимонные сады, резкий и звонкий воздух. Здесь, на севере Голландии, Франции, в эту пору природа грустнее, лиричнее. А если вспомнить родной край, Ставрополье, станицу над рекой, покатые степи, причудливо рдеющие под лучами радужного солнца!.. Да, что же может быть краше Родины?! И вновь мы торопимся к ее берегам. Она ждет. Она всегда нас очень ждет.